

Оля Ф.

Черныкина и другие

рассказы

Оля Ф.
Черникина и другие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16899793

ISBN 9785447443085

Аннотация

Сборник рассказов Оли Ф. «Черникина и другие» повествует о различных историях из жизни девочки Черникиной, растущей в 70–80-х годах прошлого века. Трогательные, печальные, весёлые, страшные моменты жизни маленького человека, рассказанные с доверительной интонацией автора, не оставят равнодушным как юного, так и взрослого читателя.

Содержание

Образ маленького человека	6
Шар-рыба	9
Козёл	12
Пять рублей	14
Банки	17
Саша	21
Бабушка	23
Блокнотик	26
Факультет ненужных вещей	28
Больница	31
Апдайк	35
Дядя Дима	37
Солнечные очки	39
Спирт	42
Маки	44
НВП	47
Желтуха	50
Остаться дома	52
Свадьба	56
Осень	62
Огурцы	65
В магазине	68
Платье	71

Комиксы	74
Цыганка	78
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Черникина и другие Рассказы Оля Ф.

© Оля Ф., 2015

© Андрей Машанов, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Образ маленького человека

Нет ничего скучнее, чем жизнь обычного человека. Нет ничего увлекательнее, чем жизнь обычного человека. Не так важно, чья это жизнь, – важно, кто и как про неё рассказывает.

В книжке «Черникина и другие» мы открываем рассказчика удивительного: очень точного, предельно честного и безусловно талантливое.

Это рассказы. Именно рассказы – когда рассказывают так, что не оторваться: не от лихо закрученного сюжета, не от психологически выверенных персонажей, а от очень простой негромкой правды. Тем более что правда эта взята из жизни Черникиной: чаще – маленькой девочки, иногда – подростка, в редких случаях – девушки. Много вы слышали честных историй из жизни растущего человека? Я – мало. Да что там, считай и не слышал вовсе. Или не слушал никогда – ввиду наличия постоянных серьёзных проблем взрослого человека. А зря.

Известное дело: все мы родом из детства. Другое дело, что, повзрослев, чаще всего об этом забываем, а вот Оля Ф. не забыла. Или не сумела забыть. В итоге перед вами житие девочки Черникиной, выложенное читателю без малейших прикрас и умилительного сюсюканья.

Оно сознательно хронологически непоследовательно:

с рассказом о детсадовском утреннике может соседствовать история о студенческом отдыхе в Алуште, – таким образом автор создаёт очень точную картину мозаичности воспоминаний. Ведь мы же не вспоминаем своё детство с бухгалтерской серьёзностью, правда? Так, чтобы вначале ясли, потом детский сад, затем школа – и здравствуй, взрослая жизнь. Нет, – тут вспышка, там стукнуло, здесь запах что-то напомнил: вот и накатило – иногда так, что водку ночью из холодильника достанешь. А все оттого, что во второй половине жизни первая кажется – да что там, так и есть – долгой чередой обещанного, но не случившегося. И самые главные обещания были в детстве. И все они не сбылись. Ну, у меня; возможно, вам повезло больше.

Детская ли это литература? Совсем не уверен. Она о детстве, конечно, но о детстве, безжалостно препарированном из сегодняшнего далёка, когда есть ясное понимание того, что прошлого не вернешь и что вся наша взрослая жизнь есть продолжение того, что случилось или не случилось тогда, в том отдельном мире, полном надежд, света и беспричинного тепла. Или наоборот – тут уж кому как повезло.

И тепла, и горечи у Оли Ф. предостаточно – можно сказать, что и в избытке. В книге «Черникина и другие» много радости, много печали, много открытий и разочарований. Местами эти истории смешны, местами трогательны, местами страшны до озноба, но всегда предельно откровен-

ны – в этом, как мне кажется, главная ценность книжки.
И в особой авторской интонации, конечно.

В общем, спасибо, что дочитали предисловие (обычно их никто не читает). Дальше будет много интереснее.

Михаил ЛЕБЕДЕВ

Шар-рыба

В шесть часов вечера Черникина поправила свою кроличью шапку с помпонами, молча взяла из рук Ветренниковой фотографию и сказала: «Значит, всё? Завтра это будешь уже не ты?» Ветренникова кивнула головой. Они обнялись. Черникина судорожно, тихо вздохнула и вышла из двери, чтобы через минуту оказаться в зимней вечерней позёмке, на ветру, который забивал рот льдом.

...Мама успокаивала Черникину и говорила, что это всё ерунда: «Ну подумай, испортила ты новые чешские сапоги на манке. Радуйся, что проволока тебе ногу не пропорола. Ты же, небось, от Ветренниковой через стройку шла?» Черникина плохо слушала маму, плохо ела, не стала собирать портфель на завтра.

Лёжа под чёрным потолком, она думала о том, что ей придётся навсегда расстаться с Ветренниковой. Наташа была её самым лучшим человеком. Два года её старшинства только добавляли восхищения, которое Черникина испытывала каждый раз, встречаясь с Ветренниковой. Обычно они сразу шли к Наташе домой. Обедали тушёной капустой, в которой была картошка. Черникину это удивляло, мама готовила не так, но она знала, что тётя Люся ничего другого Ветренниковой на обед не оставляла.

Потом они шли в залу. Папа Ветренниковой, дядя Слава,

раньше работал на Кубе. Поэтому зала была полна сухими рыбами в шипах, похожими на волейбольные мячи. У всех были открыты рты. Они как будто говорили.

Черникина и Ветренникова усаживались в кресла напротив друг друга, и время начинало пульсировать. Им нужно было успеть рассказать друг другу про всё. Черникина знала, что она тоже самый лучший человек для Ветренниковой. Подружкам Наташа никогда бы не доверила свою повесть про Александру, которая живёт в Париже, у неё маленькая упругая грудь, и она любит Георга. Черникина полюбила каждое слово в этой тетрадке за сорок восемь копеек.

А сегодня Наташа была сосредоточенна и спокойна. Черникина подтянула одеяло к подбородку и, вспомнив всё, снова задрожала от ужаса. Ветренникова на самом деле не Ветренникова. Она инопланетный разум, который просто вселился в тело Наташи. Она была послана сюда, чтобы изучать поведение людей. Но её время подошло к концу. Завтра произойдет телепортация, и Ветренникова, которую так любила Черникина, окажется на другой планете. А та Ветренникова, которую будет встречать Черникина, – это, увы, просто какая-то Наташа Ветренникова.

Когда Черникина начала плакать, Наташа сказала: «Не плачь. Каждый раз, когда начнёшь тосковать обо мне, тебе будет достаточно посмотреть на любой зелёный огонек, и я буду с тобой в ту же секунду».

Для тренировки Черникина смотрела из окна на такси, ко-

торое стояло напротив дома. Чтобы Черникина навсегда запомнила её настоящей, Ветренникова подарила ей свою фотографию. На обороте она написала: «Это я». Рассказывать про инопланетный разум Черникина никому не могла. Она дала слово.

...Утром, размешивая сахар в чае, Черникина вдруг заметила, что он не исчезает с ложки, сколько она ни старалась. Плачущую Черникину, кричащую, что «всё на свете не так, ты, мама, просто не понимаешь, а сказать я тебе не могу!», насильно уложили в постель, и, пока Черникина проваливалась в сон от жара в 39.9, она слышала, как мама говорила по телефону: «Наташа, я всё понимаю. И ангар, и кокон, и НЛО. Но с ней так нельзя, Наташа, она очень нежная девочка!»

Черникина очень хотела сказать, что она не нежная девочка, но каждый раз обморочно превращалась в прозрачную, круглую, надутую изнутри, как волейбольный мяч, рыбу с шипами и открытым ртом.

Козёл

Братом Черникиной был козёл. Звали козла Женей, и, хотя Черникина его никогда не звала, он всегда появлялся в самую ненужную минуту.

– Уйди, – сказала Черникина, не поворачивая головы и продолжая читать страницы папиросной бумаги, которые она нашла в нижней коробке с пластинками, задвинутой в самый дальний угол шкафа. – Иди пылесось. Посуду я уже вымыла.

За всю свою жизнь Черникина не могла вспомнить случая, когда этот козёл её послушался.

Заканчивалось всегда одинаково, когда бы ни начиналось: ровно без десяти шесть вечера, после драки, которая мгновенно прекращалась при взгляде на часы, её братец, с красным лицом, побитыми скулами, начинал пылесосить. Маму они встречали отдышавшись, но у Черникиной постоянно болела нижняя часть тела: козёл хорошо пинался. Мама всё понимала, грустно смотрела на неё, но даже ради мамы Черникина не потерпела бы выходок этого шибздика.

Только один, нет, два раза Черникина почувствовала что-то напоминающее жалость к братцу. Один раз она застала его с пальцем, наполовину насаженным на иголку швейной машинки. Женька кричал открытым ртом, но звука слышно почему-то не было. И ещё когда он вырывался от бабуш-

ки и разбил себе голову и раковину в туалете. Но там было столько крови, что Черникина сразу побежала к телефону.

Вот и сейчас Женька стоял и лыбился, посыпая ей голову мелкими рваными бумажками. Черникиной было не до него. Её настолько захватило чтение прозрачных листочков с очень плохо пропечатанными буквами, что она забывала дышать. Ничего подобного до сих пор ей не попадалось даже в читальном зале областной библиотеки.

Когда Черникина вскочила, чтобы врезать этому козлу по уху, её подвели вдруг ослабевшие ноги и холод, который заполнил всё тело, начиная с живота. Женька кривлялся перед нею, держа за спину тонкую стопку бумаги, и кричал свинячьим голосом: «Всё маме расскажу! Мама сказала не лазить в эту коробку!»

Черникина посмотрела на часы. Времени драться не оставалось...

Она возила щёткой по бордовому паласу и старалась не смотреть на эту скотину, которая сидела на диване и подбрасывала вверх пять двадцатикопеечных монет.

Ещё минуту назад они могли бы превратиться в два прекрасных блокнотика.

А в субботу по телику шёл репортаж с ипподрома. Черникину, услышавшую фразу «обратите внимание на позу наездницы», выбросило из комнаты прямо на кухню.

Первый и последний раз в жизни она перемывала абсолютно чистую посуду.

Пять рублей

Маленькой Черникиной было уже много лет, а именно пять, когда она нашла пять рублей. Они лежали и ждали именно её, потому что, во-первых, вокруг никого не было, а во-вторых, в эту часть беспорядочно росших кустов, которая называлась «задомом», их мог занести только ветер.

Черникина почувствовала вдруг спокойствие. Она подняла пять рублей и стала внимательно рассматривать их, как рассматривала красавицу на волнах с крыльями и в короне на обложке книжки Пушкина.

«Пять рублей», – подумала она, аккуратно приладила купюру вовнутрь правого гольфа, чуть ниже резинки, и, поглядывая туда каждые три шага, как она делала всегда, гуляя с Тяпкой, размеренно пошла в сторону дома.

«Нет больше Тяпки», – вспомнила Черникина. Бестолковую болонку (так её всегда называла мама Черникиной) сбила машина. Черникиной не разрешили даже посмотреть, но она всё равно из окна кухни успела увидеть капельки крови на розовом языке Тяпки. Тут Черникина уже собиралась глубоко вздохнуть, как вдруг тёплая и весёлая мысль случилась с нею: «Пять рублей!» Это два колечка по два рубля в универмаге «Айгуль»! Одно колечко с красеньким камушком, другое с синим, оно ей нравилось меньше, но всё равно. И ещё один блокнот и записная книжка с буквами

снизу доверху за семьдесят копеек!

...Ирка Черных и Чекменёва вопросительно смотрели на Черникину.

– Вот, – сказала Черникина и достала пять рублей из гольфа. – Завтра в «Айгуль» поеду. Я уже у мамы отпросилась. Хотите со мной?

Потом добавила:

– Я всё равно маме сказала, что с вами поеду, одну меня не отпустят. А про пять рублей я не сказала.

Черникина помолчала, чувствуя, как тёплое и весёлое внутри металось к холодному и скользкому.

Ирка Черных – ей уже было восемь – сказала:

– А поедем.

Пять рублей спрятали на пустыре под обломок камня, которым Черникина исцарапала руки, пока несла его со стройки.

Утром Черникина отвалила камень и не увидела пяти рублей. Черных жила в квартире номер 66 – это на четыре больше, чем квартира 62, в которой жила Черникина. Она стукнула по обитой мягким и чёрным двери рукой, сжатой в кулак, стараясь не попасть в серебряные шляпки дверных гвоздей.

– Здравсти, тётя Галя, а Ира где? – Черникина отступила от двери, задрав голову, когда мать Ирки Черных проявилась в чёрном проёме.

– Здравствуй. А Ирина с Чекменёвой в город уехали.

В «Айгуль». С самого утра ещё.

Черникина отступила на шаг назад:

– Тётъ Галь, а вы Ире деньги давали?

Мать Ирки Черных удивилась:

– А как же?

– А сколько?

– Три рубля. А почему ты спрашиваешь?! – почти крикнула мать Ирки Черных вслед уносящейся Черникиной...

– Да он взял, – говорила Ирка Черных, размахивая руками, на одной из которых сидело колечко с красным камушком. – Лучше надо было прятать. А ты заторопилась: на пустыре, на пустыре. Он, наверное, заметил нас и прятался во-он там. А потом деньги и забрал.

Маленькая Черникина походкой журавля бесконечно ходила вокруг камня. «Ну как же так? Как я могла не увидеть этого дядю и не перепрятать!» – тоскливо думала она, выбивая круглыми дырчатыми носами босоножек пыль и щебень вдоль окружности камня.

Банки

– Ты сможешь мне завтра забрать банки у бабушки? – спросила мама. – Мне одной не справиться.

– Помогу, – сказала Черникина.

Пыльные трёхлитровые банки в количестве тринадцати штук были извлечены с антресолей и составлены в круг в прихожей, когда пришла Галя. Галя была маминой сестрой и тётёй Черникиной. Она приехала в отпуск навестить бабушку и подруг юности. Галя пришла радостно-оживлённой и, скороговоркой поздоровавшись со всеми, начала было рассказывать про то, как обстоят дела у Тани Костюхиной, но внезапно осеклась и, глядя на банки, строго спросила:

– Ира, что здесь происходит?

Мама настолько не поняла вопроса, что просто молча вытаращилась на Галю.

В это время в дверном проёме появилась бабушка. Черникина держала в руках четыре авоськи, в которые они с мамой собирались утолкать банки.

– Ира, я спрашиваю, по какому праву ты забираешь у мамы банки? – Галя совершенно не шутила.

– Это мои банки, Галя, ты что? – До мамы Черникиной никак не доходила суть претензий сестры.

– Ира, ты вместе с детьми переехала отсюда год назад, какие-такие твои банки, что ты несёшь?! – Галя повысила го-

лос.

Черникина переводила взгляд с тёти на маму, с мамы на бабушку, которая молчала, скорбно сжав рот. Галя подошла к банкам и начала перетаскивать их на кухню. Банки жалобно звякали.

– Ты в своем уме? – Мама Черникиной преградила путь сестре. – Галя, у меня овощи погибают, у меня закончились все банки!

– Вот и купи себе. Нечего у матери забирать последние.

– Их нет в продаже! – мама так громко крикнула это, что Черникина присела на коридорную тумбочку для обуви, даже не заметив этого.

– Меня это не волнует! – в ответ кричала Галя. – Ты собираешься забрать банки у родной матери! Что она будет использовать для закуток?!

– Да ты рехнулась, Галя! – мама Черникиной аж задохнулась от ярости. – Когда это наша мама закручивала банки?

Бабушка бесстрастно молчала.

Галя начала шипеть:

– Ах, не закручивала? А откуда же здесь эти банки?

– Это мои банки. Я соленья маме привозила всю зиму и весну.

В это время Галя встала на табуретку и попыталась отправить первую банку обратно, на антресоли, издевательски бросая в сторону мамы Черникиной:

– Хороша дочь, сама же привезла, и сама же отбираешь.

Совість твоя где, Ирина?

Мама не выдержала, подскочила к оставшимся в коридоре банкам и, обращаясь к Черникиной, крикнула:

– Складывай!

Черникина торопливо начала распутывать сетчатые клубки авосек.

– Не смей! – От Галиного крика у всех заложило уши. – Эти банки останутся здесь. Я тебе покажу, как заниматься самоуправством в доме моей матери.

– Как ты можешь, Галя? Ты приезжаешь сюда на две недели раз в год. Ты, может быть, хоть раз сделала ремонт в маминой квартире? Или ты думаешь, что он сам по себе делается? – Мама говорила злым, незнакомым голосом.

– Ты здесь жила, – парировала Галя, с ненавистью глядя на маму Черникиной.

Черникина посмотрела на бабушку. Она всё так же молчала, но Черникиной показалось, что глаза её стали весёлыми и беспокойными. Тут она вздохнула и сказала:

– Вот так вот, Галочка. Я тебе говорила, доченька.

Черникина от удивления открыла рот. Услышав это, мама Черникиной дёрнулась, как будто у неё что-то заболело, и внятно, медленно произнесла:

– Чтобы вы подавились этими паршивыми моими банками.

Потом мама взяла Черникину за руку, на прощанье саданув дверью со всей силы, и они стали спускаться по лестни-

це вниз.

Удивительно, но Черникиной вдруг стало жаль пыльных пузатых банок, которые будут всю их баночную жизнь пылиться на антресолях и никогда не узнают, что такое ароматный кипяток, льющийся в их горловину, что такое упругие бочки помидорок-близняшек, что такое пахнуть смородиной и зонтиками укропа.

– Мама, а давай вернёмся и всё-таки заберем банки, – сказала Черникина.

– Ни за что! – ответила мама и вдруг повеселела.

...А свои банки им отдала через день соседка Люда. У неё умерла свекровь, и она была рада избавиться от них.

– Вот спасибо-то! – говорила она, осторожно передавая банки Черникиной. – А то только место занимает барахло это.

Саша

В четвёртом классе вместе с Черникиной жил да был мальчик Саша Костинский. Он носил толстые очки, а когда его вызывали к доске, отвечал негромко и поправлял волнистые густые волосы.

Однажды Черникина не обнаружила его в классе. А спустя неделю, в день контрольной работы, в класс перед уроком вошла женщина. О чём-то переговорила с учительницей, получила из её рук лист с домашним заданием и, поблагодарив, вышла.

Класс с любопытством наблюдал. Учительница сказала:

– Только что приходила мама Саши Костинского. Он заболел, лежит сейчас в больнице. Но не хочет отставать от класса. – Она укоризненно обвела глазами тридцать восемь голов. – Поэтому я только что дала его маме список тех предметов, которые мы проходим.

После контрольной Черникина подошла к учительнице.

– А вы знаете, чем он болен?

– Ангиной, Черникина. – Учительница ставила галочки напротив присутствующих в журнале и головы не поднимала.

– А в какой больнице он лежит? – спрашивая, Черникина почему-то стала смотреть на совершенно пустую доску.

Учительница удивилась, оторвалась от журнала:

– В областной больнице он, в третьем отделении.

На следующий день после классного часа Черникина, перекрывая шум, напряжённо кричала:

– Давайте проведем Сашу Костинского все вместе! В пятницу! Принесите по яблоку. Кто хочет!

Захотели немногие. Пять человек столпились под окнами больницы, утопая ногами в ровном, нетронutom снегу.

Они долго кричали на разные лады «Саша Костинский!», затем на четвёртом этаже показалось приплюснутое к холодному стеклу лицо. Саша растерянно улыбался. Он помахал рукой одноклассникам. Одноклассники помахали в ответ. Больше ничего не произошло.

...Большое зелёное яблоко Черникина съела сама в трамвае. Она была расстроена и сердита, но не понимала почему.

Бабушка

У Черникиной была бабушка, которой Черникина приходилась любимой внучкой.

Бабушка очень любила Черникину. Черникина твёрдо усвоила это, рассматривая фотографии, где бабушка купала её, держала на руках, катала в коляске и кормила кашей.

Кроме Черникиной, бабушка любила Юрия Гагарина. Пока Черникина не научилась читать, она думала, что это её дедушка в молодости, потому что в доме у бабушки не было других фотографий на стенах. И все книги в книжном шкафу были про Юрия Гагарина. Бабушка рассказывала Черникиной, что очень хотела стать лётчицей, но стала преподавателем в самолётном училище. Про дедушку бабушка никогда не рассказывала. Черникина догадалась, что он был военным лётчиком и её просто не хотят расстраивать.

Два раза в своей жизни Черникина помнила бабушку плачущей. Первый раз это случилось, когда Черникиной нужно было идти в первый класс. Накануне первого сентября бабушка усадила её на стул и показала какие-то документы.

– Что это? – спросила Черникина.

Тут вдруг бабушка расплескалась в слезах, стала даже подвывать, и Черникина испугалась очень. Из отрывистых слов бабушки Черникина поняла, что она никакая не Черникина, что у неё вовсе не тот папа, а другой, и если её спро-

сят в школе, то она должна сказать, что «вопрос рассматривается». Ничего более непонятного и просто глупого Черникиной прежде не доводилось слышать. Первого сентября Черникина весь день ждала, когда же её, наконец, спросят, но никто так и не спросил, поэтому заученная фраза осталась не востребованной.

От напряжения Черникина даже не смогла расстроиться из-за пробора в волосах, который бабушка вечно делала похожим на лесную тропку, а не как мама, прямым и ровным.

Второй раз бабушкины слёзы поразили Черникину в четвёртом классе, когда из серванта была извлечена старая газета и бабушка, рыдая, не попадая пальцем в заголовок, начала рассказывать Черникиной про культ личности и каких-то предателей. Черникина поняла, что в этот раз документ не имеет к ней отношения, и слушала невнимательно, а потом даже перебила бабушку и, сказав, что она сейчас придет, убежала в туалет.

Ещё у бабушки всегда была квашеная капуста, из которой летом, зимой и осенью бабушка варила щи. Почему этот суп назывался «щи», Черникина не знала, в супе была только варёная квашеная капуста, и ей было непонятно, почему такое густое слово обозначает бабушкин суп.

Часто бабушка просила помочь ей. Тогда Черникиной выдавались акварельные краски и кисточка, и она разрисовывала блёклые места синим, красным и зелёным цветом на ковре с розами, который бабушка обычно закрывала старой про-

стынѣй, чтобы «краски не выгорали». Точно так же бабушка объясняла, почему она всегда накрывает покрывало на кровати ещё одним, очень ветхим и штопаным.

Когда Черникиной исполнилось пятнадцать лет, на празднование дня рождения пришли все родственники. Бабушка задерживалась, и её пришлось немного ждать. Черникина открыла дверь, бабушка извинилась, затем заняла своё место за праздничным столом. Черникина видела, как бабушка встала, она слышала, как бабушка поздравила её с днем рождения, пожелав быть хорошей девочкой и учиться на «отлично».

Перегнувшись через стол, бабушка крепко обняла Черникину, трижды поцеловала и протянула подарок. Черникина бы ничего не сообразила, но в этот момент она увидела мамины глаза, которые с ужасом и болью смотрели на пару нейлоновых чулок глиняного цвета за три рубля семьдесят копеек.

Блокнотик

Если бы Черникину разбудило чудо и спросило тихим серебристым голосом: «Что ты хочешь сейчас, Черникина?», Черникина бы ответила: «Блокнотик». И спала бы дальше.

Куклы были ненастоящие, вещи мялись и пачкались, а вот блокнотики... Разные – с буквами алфавита и без, шершавые, гладкие, как поверхность молока, пухлые, из кожи, с иностранными буквами – их привозил дедушка после заграничных конференций, большие и маленькие.

Однажды Черникина даже порезала язык об обрез блокнотика. Лилась кровь. Объяснить, что она облизывала блокнот, было невозможно.

Черникиной нравилось в блокнотиках то, что они чистые. Писать она в них не могла и не хотела. Для этого были тетрадки. Если же блокнотику выпадала участь быть исписанным, то он выбирался из худших, непригодных для мечтаний.

Туда Черникина писала немного. Потом разочарованно выдирала страничку, но блокнотик был уже не тот.

Когда Черникина вдруг понимала, что хочет именно этот блокнотик, вот такой, которого у неё никогда не было, она начинала голодать мыслями. Копила деньги на мороженое, ходила его проведывать в «Канцелярские товары», не могла отлепиться взглядом от его неизвестности.

Свежесть белого листа блокнотика, его запах, его завершённость – перелистнул, и вот оно, опять начало, – будоражили Черникину и отвергали одновременно...

Блокнот. Нотблок. Так и есть.

Факультет ненужных вещей

Первая школа Черникиной была очень странной. В классе с нею учились Генрихи, Дитрихи, Нелли, Марты, а также Батыры, Айгули и Асланбеки. Дети не дружили. Учительницу звали Елизавета Ивановна Бурсаниде. Мама объяснила, что Елизавета Ивановна – гречанка.

Из детей с человеческими фамилиями и невредных в классе была только одна девочка, Таня Фёдорова. По имени её никто не называл, потому что она училась очень плохо. На уроках Фёдорова, сидящая впереди Черникиной, вместо того чтобы списывать с доски слова, вдруг ладонью проводила от затылка ко лбу, и все волосы, не заплетённые в косу, вставали дыбом. Это было очень смешно! Черникина прыскала. Ей делали замечание, а Фёдорову выгоняли из класса.

В школе был буфет. Там Черникина покупала коржик и стакан томатного сока. На переменах Черникина слонялась по коридору первого этажа, потому что на улице было очень жарко.

Вдоль стен бесконечными рядами стояли стеклянные ящики на ножках, в которых уродливые волосатые человечки, очень похожие на обезьян, разжигали костёр, прятались от мамонта, у всех были в руках дубинки. Больше всего Черникину занимало, что означают надписи «датируется» под кусками каких-то камней и костей. Дальше шли палочки или

крестики, а потом «до н.э.».

Ещё Черникиной было ужасно интересно, кто такой Ю. О. Домбровский, потому что этот дядя и сделал всех человечков и мамонтов. Черникина бродила от одного конца коридора до другого, поскольку на второй этаж первоклашек не пускали, а во дворе дети часто переходили на языки, которых Черникина не понимала. Один был похож на язык лающих собак, а второй – на звуки, который издавал баран Яшка, когда не хотел идти домой. Черникина всегда кормила его, когда приходила к бабушке.

...Все это, до малейшей детали, Черникина вспомнила пятнадцать лет спустя, на экзамене по литературе советского периода, на который чуть не проспала благодаря дню рождения сокурсника. В билете было написано: «Ю. Домбровский «Факультет ненужных вещей». В голове у Черникиной что-то сверкнуло, и она попросила разрешения отвечать без подготовки.

В следующие три минуты Черникина выложила онемевшему преподавателю рассказ о просветительской деятельности Юрия Домбровского, его археологических реконструкциях, огромной роли этого человека в воспитании детей в период казахстанской ссылки. Опровергнуть её было невозможно: речь изобиловала фактами, в достоверности которых сомнений не было. «Достаточно. Пять. Давайте вашу зачётку», – сказал препод.

А «Факультет ненужных вещей» Черникина потом всё-та-

ки прочла, как если бы эту книжку написал её очень близкий родственник.

Больница

На улице припекало, но скучно не было. Ирка Черных оглядела всех троих: Черникину, Чекменёву и Димку из шестьдесят четвёртой.

– А пойдёмте на свалку? – сказала Черных.

Свалка была то, куда нельзя. Мама объяснила, что этот огромный ров скоро закопают, а пока туда нельзя ни в коем случае, потому что там – инфекция.

– А чего делать будем? – спросил Димка, еле успевая за размашисто шагающей Иркочкой Черных.

– В больницу будем играть! – Ирка строго посмотрела на них.

Спускаясь вниз, к самому дну свалки, между огромного, опасного мусора они обнаружили множество прекрасных находок. Скелет дохлой кошки без глаз, но с червяками внутри. Чемодан с тяжёлыми пластинками. Много рваной обуви огромного размера. С собой решили ничего не брать. Спуск предстоял тяжёлый.

Дышать Черникиной не нравилось. Она попыталась не дышать, но скоро поняла, что либо блестящие звёздочки перед глазами, либо невкусный запах.

Добравшись до дна огромной земляной воронки, они убедились, что спрятались хорошо.

– Не, не видать нас! Отсюда и дома-то не разглядеть, –

сказал Димка из шестьдесят четвёртой, обойдя всё кругом.

Черных принесла алюминиевую проволоку, бывшую раньше самодельным шампуром, и сказала, что это шприц. Ватой был старый поролон из валявшегося рядом дивана. В стеклянной банке из-под кабачковой икры смешали немного песка и травы. «Чтобы раны прижигать», – сказала Ирка. Её мать работала медсестрой.

Чекменёва нерешительно протянула кусок стекла размером с ладонь. «А это будет скальпель!» – Черных расположила всё на перевернутом ящике, который ужасно занозился, пока Черникина несла его.

Первым больным большинством голосов выбрали Димку. Он сначала стоял и не двигался, а потом лёг на землю рядом с ящиком, закрыл глаза и быстро сдёрнул трусы, как и велела Ирка Черных.

У Черникиной расширились зрачки, и она перестала дышать уже не по собственному хотению.

Все по очереди сделали Димке уколы, прижгли раны, насовали поролона в трусы.

– Следующий! – крикнула Черных, когда Димка встал с земли.

Чекменёвой лечили попу. Царапину стеклом сделала Черных. «Это чирей!» – сообщила она заплакавшей Чекменёвой. Черникина и Димка из шестьдесят четвёртой аккуратно посыпали попу Чекменёвой песком и приложили лопух на место, где была кровь. «Вытянет всё. Следующий!» – Чер-

ных повернулась к Черникиной.

Черникина, ни на кого не глядя, сдернула трусы до колен, легла на землю и стала смотреть в небо, где солнце из горячего оранжевого становилось чёрным, а потом опять оранжевым.

Черникина посмотрела на Ирку, чтобы понять, когда нужно будет зажмуриться, и вдруг увидела людей, бегущих к ним сверху. Это были враги. И это были родители.

...Мама опять и опять спрашивала завёрнутую после ванны в полотенце Черникину:

– Ты уверена? Ты точно всё помнишь? Может быть, ты что-нибудь забыла?

Черникина мотала головой.

Утром Черникину разбудили раньше обычного, выдали ненадёванные гольфы и повезли в республиканскую детскую больницу. Больница была так далеко, что Черникина успела два раза заснуть в автобусе и два раза проснуться.

– Никаких уколов не будет! – Тетенька врач взяла Черникину за руку и закрыла дверь в кабинет, где пахло чисто и холодно. Черникина удивилась, когда тетенька врач попросила её сделать то же самое, что и Ирка Черных. Лёжа на кушетке, Черникина думала о том, что в жизни всё повторяется.

Когда повеселевшая мама остановила такси, Черникина спросила:

– А как вы нас нашли? Мы же спрятались.

– Вы были видны с любой точки двора! – ответила мама.

«Вот оно что, – подумала Черникина. – Всё не так, как нам кажется...»

В такси что-то щёлкнуло и застучало. Они поехали на Наманганскую улицу, 63.

Апдайк

Больше всего на свете Черникина любила слушать разговоры взрослых. Она протирала тряпкой на палке рябое лицо линолеума, когда до неё донеслась фраза из разговора Татьяны Петровны и школьной библиотекарши.

– Совершенно нечего, – сказала библиотекарша.

Черникина отжала тряпку, стараясь не замочить белые манжеты на форме, которые пришивала сама накануне.

И вступила в беседу:

– Я согласна. В «Иностранке» ничего нет, кроме «Давай поженимся», «Звезда Востока» – там «Раковый корпус» Солженицына, читали? Необычно. «Родник» – Щербина мне понравилась. В «Современнике» – последний Нагибин.

Татьяна Петровна молчала. Библиотекарша спросила:

– А кто-нибудь следит за твоим чтением?

Черникина распахнула на неё свои миндалевидные глаза. Про то, что глаза у неё миндалевидные, ей сказала Татьяна Петровна, когда Черникина рисовала классную стенгазету для четвёртого «Б».

– У нас много журналов. Мама выписывает. Но ей не хватает времени, а я читаю.

... Черникина принесла в класс пустое ведро и сказала:

– Ну, я пошла?

Татьяна Петровна спросила:

– А что тебе понравилось у Апдайка?

Черникина подумала и ответила:

– Фраза про то, как у неё сжималось сердце, когда она видела его туго застёгнутую ширинку на джинсах.

Татьяна Петровна сказала:

– Иди, Черникина. До завтра.

Дядя Дима

Дядя Дима всегда расспрашивал Черникину о её здоровье и делах в школе.

– Барышня, – говорил он. – Ну-с, что приключилось сегодня?

Черникина знала, что если у них в гостях дядя Дима, то это не суббота и не воскресенье. Когда он приходил, мама становилась прозрачной от радости и совершенно не запрещала Черникиной всё время торчать на кухне, участвовать во взрослых разговорах и слушать песню Высоцкого про беду.

Черникина никогда не провожала дядю Диму до дверей. Она говорила ему «до свидания», а потом слушала, как в прихожей сначала становилось очень-очень тихо, а потом мама начинала греметь цепочкой.

Черникина знала: у дяди Димы – семья. И сын Алёша. В июне они оказались в одном пионерском лагере, в разных отрядах. Черникина всю смену тщательно следила за тем, чтобы случайно не оказаться в поле его зрения. Это оказалось легко, потому что Алёша сам строго соблюдал дистанцию.

Один раз в год, на мамин день рождения, дядя Дима приглашал её в ресторан. Черникина всегда дожидалась маминого возвращения. И если мама задерживалась, то Черникина

каждые пять минут высовывалась с балкона, чтобы не пропустить в февральской метели два серых силуэта.

Однажды Черникина открыла дверь и увидела энергичную женщину с красивыми зелёными глазами. Обомлевшая Черникина плохо поняла, что она должна передать маме, потому что на женщине были точно такие же красные австрийские туфли, как у мамы. Черникина даже помнила, что они стоили шестьдесят пять рублей, потому что она вместе с мамой выбирала их на барахолке!

А потом дядя Дима долго не приходил в гости. Черникина не спрашивала маму, когда он придёт опять, потому что чувствовала, что мама сама не знает ответа.

Как-то Черникина вернулась с улицы и увидела на столе бутылку вина со страшным названием «Бычья кровь». А потом услышала:

– Ну-с, барышня, что с вами приключилось сегодня?

Черникина обрадовалась, но ещё больше удивилась. Потому что было воскресенье.

Солнечные очки

Расплетённая коса Черникиной из толстой чёрной блестящей селёдки в один момент превратилась в лаковое нефтяное озеро, стекавшее по спине до нижней части немецкого раздельного купальника, который был сначала тайной, а теперь и явной гордостью её. Отдёргивая попеременно ступни от острой, жгущейся гальки, она балансировала руками и торчащими в разные стороны, как у молодой козы, грудями.

Остановившись около своих, Черникина, пока с неё слетали струйки морской воды, с тоской смотрела на маму, дядю Витю, тётю Лиду, Серёжу, Виталика, брата своего Женю и сестрёнку Иру. Нет, не таким представлялся ей отдых в Туапсе. Семейство отпускало от себя Черникину не более чем на десять минут.

Привыкая к осязаемому давлению гальки под спиной, она устроилась на старом покрывале, которое ей пришлось тащить из дома. Черникина надела польские мамины очки, которые превращали её из девочки в девушку в одну секунду, вытянулась и начала дремать, нагреваясь от солнца и шума.

Поморгав и пощурившись, Черникина открыла адаптированные к очкам глаза и немедленно потребовала у мамы:

– Десять минут, ты обещала! Я только по набережной пройду.

Мама с улыбкой посмотрела на Черникину, как будто хотела что-то сказать, но в последний момент передумала и только быстро кивнула:

– Ну иди.

Семейство проводило Черникину внимательными взглядами.

Это был её день. Если раньше она только подозревала о том, что сногшибательно красива, то море и солнце, юная нагота, походка от бедра, немецкий купальник и польские очки завершили картину её совершенства. Идущие навстречу люди улыбались, глядя на неё, некоторые даже переглядывались друг с другом. Черникина шла босиком по раскалённой набережной с такой плавностью, что ей могли бы позавидовать тренированные на углях йоги. Десять минут абсолютной гармонии с миром подошли к концу. Взбудораженная Черникина на фантастическом душевном подъёме возвращалась в семью, чтобы мысленно разделить свой триумф с домочадцами.

Её ждали. Увидев Черникину, все, как по команде, молча заулыбались. Первой заговорила мама:

– Как прогулялась?

– Нормально. – Черникина не скрывала своего торжества.

– Очкиними, – попросила мама. – Пусть дядя Витя в них стекло вставит. Я же говорила, на «Момент» надо было посадить.

В полыхающем полуденном зное Черникина медленно

сняла полупустые очки, стараясь слушать только море, чтобы заглушить общий смех, в котором особенно отвратительно выделялся бесовской и кривляющийся хохот её братца Жени.

Спирт

Концерты пришли в жизнь Черникиной сразу после получения аттестата.

За три дня до концерта она получала длинное плотное бархатное платье разного цвета в костюмерной и стопку листов. Платье передавалось в руки мамы, которая через сутки возвращала его пушистым и привлекательным для жизни.

Из умений, которые требовались Черникиной, самым важным было держать подбородок зафиксированным в точке пересечения мысленного перпендикуляра из ложбинки груди до уровня самого подбородка. Черникину убедили, что это делает осанку прямой, а голос незабываемым.

Ровно в 7.22 Черникина бродила между пожарных щитов за сценой и повторяла текст, из которого могла бы забыть разве что запятую. Вывинчивая шпильки из глубокого разреза сзади, она незаметно для себя приплыла в комнату художников. Это были люди с намётанным взглядом и плохими привычками.

– Поздравляю с Восьмым марта! – сказали ей синие глаза такого азарта, что Черникина даже не удосужилась взглянуть в протянутую кружку.

– Только выдохни! – сказали ей синие глаза и заулыбались.

Черникина выдохнула, а вдохнула уже на сцене. Свет в зале убрали, и она сама стала фитильком, который тревожным и радостным голосом заговорил:

– Добрый вечер, дорогие друзья!

Дорогие друзья были не видны Черникиной в темноте зала, но она чувствовала, что она сама – тепло, а друзья – ещё более тепло. Черникину так потянуло вдруг к друзьям, что она обошла микрофонную стойку и сделала два тук-тука каблуками...

– Воды! Да принесите же воды! – слышала Черникина голос Эллы Лавринович.

Черникиной дали воды, она её выпила, и концертная яма, куда она свалилась, вновь превратилась в лотерейный барабан.

Последнее, что слышала Черникина, – это то, как синие глаза в ужасе орали на Лавринович:

– Это же спирт был! Какая вода?! Пирожное надо!

Маки

Задремавшую в долгом пути Черникину вытряхнули из машины и поставили на ноги.

– Мы приехали, – сказала мама.

– Это Медео? – спросила Черникина, захлёбываясь видом гор.

– Это Медео, – ответила мама.

В самом слове «Медео» было столько сладкого от слова «мёд» и притягательного от округлого звука «о» на конце, что она не удивилась тому, что воздух благоухал свежеразломленным спелым холодным яблоком.

Черникина рассматривала конусы гор, с вершин которых как будто стекала яркая белая краска, сверкая на остальном ослепительно синем фоне. «Да я же их точно так и рисовала в детском саду!» – подумала Черникина.

– Далеко не уходи, – воскликнула мама ей вслед, когда Черникина пошла по тропинке, которая сворачивала за скалу.

Черникина обогнула её и замерла. Перед нею вдаль, в стороны, в вышину лежало прозрачное алое поле маков. Казалось, что огромный лоскут красного блестящего шёлка варится и кипит в огромном чане – от малейшего движения воздуха лепестки маков оживали и начинали пульсировать постоянно движущимися волнами.

Черникина никогда не видела столько синего, красного и белого, плывущего в абсолютной тишине цвета.

Казалось, что маковое поле само бежит и торопится к ней. Черникиной показалось, что она не идёт, а плывёт к красным горящим цветам.

Маки почти доставали ей до пояса. Черникина разглядывала их чёрные бархатные глаза, глубоко сидящие в окружении прозрачных алых юбочек, которые безостановочно взлетали и метались.

Черникина принялась рвать цветы. Они вырывались только с корнем, как бы она ни старалась разломить стебель.

Когда она протянула маме букет маков, та, сказав спасибо, добавила:

– Но рвала ты их напрасно. Это горные маки. Они гибнут в букетах сразу же.

– Почему? – спросила Черникина, с удивлением рассматривая свежие бутоны.

– Горные маки не любят людей. Они растут только в одиночестве.

– А люди тоже растут в одиночестве? – спросила Черникина.

– Люди не цветы, – ответила мама. – В одиночестве люди умирают.

«Как странно все устроено», – подумала Черникина, но маме на всякий случай поверила не совсем.

Потом Черникина ещё побродила, глядя вокруг, и почув-

ствовала, что устала от высоты, пустоты и воздуха, которые не кончались, куда бы она ни поворачивала.

Она вернулась к машине. Взрослые были заняты поиском веток для костра. Черникина забралась на водительское сиденье, подтянула коленки к подбородку и начала рассматривать горы через лобовое стекло. Так они казались нарисованными и плоскими.

Она потянулась за термосом со сладким чаем, который лежал на заднем сиденье, и увидела свой маковый букет. Цветы уменьшились в объёме, слиплись и походили на ошмётки лопнувших воздушных шариков. Только цвет по-прежнему был ярко-алым и сочным.

Черникиной стало вдруг очень грустно. Не дожидаясь, пока взрослые позовут её, она взяла букет, выбралась из машины и быстро побежала опять к маковому склону. Там она размахнулась изо всех сил и зашвырнула сорванные цветы как можно дальше. Потом постояла немного, о чем-то размышляя.

Маки вновь притворялись торопливо бегущими к ней.

НВП

Черникина осторожно приоткрыла тяжёлую дверь подъезда и вышла на залитую солнцем улицу. На неё обрушилась тишина. Ветра не было. Только солнце и небо. Черникина задрала голову вверх: не было облаков. И не было людей. Черникина медленно шла по тротуару, потом вышла на замершую неподвижно дорогу и зашагала посередине. Она знала, что ей никто не помешает.

Всё было так, как обычно: каркас города так же подпирался многоэтажными зданиями. Но город молчал. Город умер. Не было птиц, бабочек. Были цветы и деревья. В городе царило мёртвое лето...

– Нашу дивизию расквартировали в Польше. А польский – это такой язык смешной! Как плюются они, когда разговаривают!

Богачу, директору школы, так понравилась его шутка, что он, наклонив голову вперёд, расхохотался сам. Черникина поёжилась. На абсолютно лысой голове директора школы было место, которое пульсировало, когда он смеялся или наливался красным кипящим гневом. Он был танкистом. И что-то там случилось, и его ранило в голову. Операцию сделали, но кость в этом месте отсутствовала. Черникина отвернулась, её подташнивало. Почему-то Черникиной казалось, что под блестящей кожей лысины живёт большая ме-

дуза, которая хочет вырваться наружу, но не может.

Директор школы, военный в отставке, преподавал у них географию и начальную военную подготовку. На первом занятии по НВП Черникина уронила себе винтовку на большой палец правой ноги. Из-за этого её освободили от физкультуры на две недели.

– А ещё поляки кушают бигос. Это еда такая. Из квашеной капусты с мясом. – Богач принялся рассказывать про то, как его солдаты мучились животами, переев этого бигоса.

Черникина рассеянно слушала. На уроках географии Богач говорил либо о Польше, либо о танках. Географии он не знал. Черникина была с ним солидарна в этом.

А на втором уроке НВП он рассказал про нейтронную бомбу. И с тех пор каждый раз, усаживаясь на своё место, Черникина в каком-то странном внутреннем ажиотаже ждала, когда её мысли окажутся далеко от кабинета НВП, в мёртвом городе, где не осталось никого, кроме неё, потому что ночью сбросили нейтронную бомбу. Она мысленно бродила по нему, не надеясь никого встретить, потому что все люди уже умерли. Черникина заходила в не нужные никому квартиры, открывала работающие холодильники, каталась на ничейных велосипедах. Ей не было страшно в том мёртвом городе. Она знала, что у неё есть две недели жизни. А через две недели, когда нейтронное заражение станет неопасным, в город придут американцы. А американцы ещё хуже фашистов. И вместе с американцами придёт и смерть Черникиной.

Всякий раз, когда она добиралась до этого места, у неё перехватывало горло. Черникина судорожно вздыхала, поднимала руку и отпрашивалась в туалет. Там она тихо и коротко плакала. Умирать Черникина не хотела. Смерть её пугала тем, что умереть можно было только один раз и навсегда.

Потом Черникина насухо вытирала покрасневшие глаза и отправлялась по пустому школьному коридору в кабинет НВП. В школе было так тихо, что казалось – нейтронная бомба здесь уже побывала.

Желтуха

Черникиной шёл пятнадцатый год. Однажды у неё поднялась температура, и её решено было показать врачу. Врач за каких-то жалких девяносто секунд сначала выписала, а потом и поставила Черникиной диагноз «ОРВИ». Нужно было уходить. Но тут Черникина обратила к окну свои прекрасные миндалевидные глаза тёмно-сочного карего цвета, обрамлённые букетами пушистых ресниц, и все увидели, что вместо голубого перламутра в её белках плещется пошлая охра.

Сорока днями в детской инфекционной больнице в начале учебного года закончился этот день для Черникиной.

Бутик в октябре уходил в армию. Черникина понимала, что его единственный «привет!» в момент починки мопеда не позволяет ей претендовать на исключительную роль невесты на проводах. Эскалации отношений мешал режим больницы. С родными, близкими и просто отвратительными людьми разрешалось общаться только через оконное стекло.

И этот день, день после проводов, настал. Её лучшая подруга Лысенкова торопилась, чтобы до окончания часов приёма передать ей шесть листов описания трагической для Черникиной церемонии. Сейчас Лысенкова стояла за окном на фоне густо чернеющего вечера и жадно вглядывалась в Черникину, с той стороны протирая рукой стекло, запотев-

шее от её дыхания.

Черникина прочла. Ничего утешительного тот факт, что Бутик объявляет своей невестой девушку со щербатыми зубами, в зелёной шапке и сношенных сапогах, ей не добавил.

Черникина плакала так, что с нею вместе плакала взрослая, восемнадцати лет, медсестра Верочка. На следующий день у Черникиной не обнаружили билирубина в крови, с мочой тоже всё было нормально.

Через шесть дней её выписали. В абсолютно пустом автобусе номер восемнадцать она доехала до дома, вошла в пустую квартиру, поставила пластинку «Землян» и раз двадцать под неё станцевала, поглядывая через тюль на то место, где когда-то чинился мопед.

Остаться дома

Черникина с закрытыми глазами стояла перед зеркалом, пока мама заплетала ей косу. Она безуспешно пыталась выбраться из тёплого сугроба сна, но каждый раз, когда надо было уже просто открыть глаза, опять проваливалась в него.

Радио на кухне металлическим голосом сказало:

– Минус семнадцать градусов, ветер западный, восемнадцать метров в секунду.

За окнами было черно, как будто их завесили чёрным одеялом с той стороны. Черникина представила, как она пойдёт в школу, наклонив голову к самому подбородку, прикрывая варежкой нос и рот, чтобы спастись от беспощадного ледяного ветра, сбивающего с ног, забирающегося всюду, заставляющего дрожать и ёжиться от холода всё тело изнутри и снаружи.

– Мама, – сказала Черникина, – у меня живот болит. И голова, – потом она надсадно закашляла.

Мама положила ладонь на лоб Черникиной:

– Тёплая. Но ты ведь только из постели.

– Я не только, мама! Я давно уже! – Черникина еще раз покашляла.

– Ну, оставайся дома, – сказала мама. – Я напишу потом записку.

Счастливая Черникина нырнула под одеяло, уютно устро-

илась и уснула. Сквозь сон она слышала, как за мамой закрылась дверь. Черникина перевернулась на другой бок и вдруг поняла, что сон безвозвратно ушёл.

Повертевшись в кровати еще с полчаса, она встала, согрела чай и съела бутерброд с болгарской баклажанной икрой из жестяной банки.

Настроение у неё внезапно испортилось. Черникина включила телевизор и тут же выключила. Был понедельник, и по телевизору показывали профилактику. Заняться было решительно нечем. Она взяла зачитанную до опасного, ветхого состояния книжку «Жизнь и приключения Заморыша» и в сотый раз прочла про то, как Заморыш знакомится с девочкой Дези.

«Ой, сегодня же Власова обещала принести в школу хомьяка!» – Черникина расстроилась окончательно. К тому же она вспомнила, что вторым уроком контрольная по математике, к которой она была готова.

Черникина сидела на диване, уставившись в стенку, и думала, что вот сейчас весь класс пошёл на перемену, а потом будет контрольная. Четвёртым уроком был немецкий, который она любила.

Черникиной вдруг стало жалко себя. А в следующую секунду она ужасно разозлилась.

Пошла в прихожую, надела на себя гамаши, кофту, носки, сапоги, шапку, пальто, шарф и варежки и вышла на звенящий холод улицы. Добравшись до телефона-автомата, она

зубами стянула варежку с правой руки, вставила две копейки в прорезь и непослушными пальцами начала набирать мамин рабочий телефон.

Мама ответила сразу же и заволновалась:

– Тебе стало хуже? Почему ты мне звонишь с такого холода? Как ты себя чувствуешь?

Черникина не знала, что сказать в ответ, поэтому пробурчала:

– Я нормально себя чувствую, как и раньше. Просто так звоню. Ну, пока.

Потом она повесила трубку, которая от холода не слушалась, на рычаг, и вытолкнула себя из замороженной телефонной будки.

На улице свистел ветер, который сейчас был в лицо. Она низко нагнула голову, прикрыла варежкой нос и рот и, почти не видя дороги сквозь метель, пошагала к дому.

Вернувшись, Черникина опять посидела на диване, размышляя о том, что ей сейчас хочется заняться всем и ничем одновременно. Потом она залезла на стул и проверила верхнюю полку серванта – там, в глубине, мама обычно хранила коробки с конфетами «Ассорти». Черникина ничего не нашла, вздохнула и потащила стул на место.

«К Светке Васильевой пойду!» – радостно подумала Черникина, вспомнив, что та обещала ей дать почитать книжку «Анжелика и король». Домой её брать было нельзя, родители Васильевой не позволяли, а читать в комнате у Светки

разрешалось.

Но в ту же секунду она вспомнила, что Васильева, как и все, сейчас в школе и дома будет только в два часа дня. Черникина тоскливо посмотрела на часы. Было без пятнадцати десять.

Проклиная себя и маму, которая ей поверила, Черникина слонялась по пустой квартире, не в силах себя ничем занять, и бесконечно думала про то, что больше никогда, никогда, никогда она не будет доверять тёплым сугробам сна, из которых невозможно выбраться по утрам.

Без четверти два она надела на себя гамаши, носки, кофту, сапоги, шапку, пальто, шарф, варежки и, толкнув подъездную дверь, оказалась один на один с ухающим и свистящим ветром, который сильно толкал в грудь и выстуживал глаза.

Ходьбы до дома Светки Васильевой было минут двадцать.

«А если от школы идти, то и пяти минут не будет», – с горечью подумала Черникина и начала осторожно ступать по льду, который заметало сероватым колючим снегом.

Свадьба

Танька женилась. И хоть мама поправила Черникину два раза, сказав, что Таня выходит замуж, Черникина доверяла больше бабкам, сидение на скамейке с которыми было её самым любимым занятием. После мультфильмов, конечно.

Ещё бабки называли Таньку золовкой, а мама – никогда. Ещё они, понизив голос, сказали, что Таньке свезло, раз её берут порченую, потому как после школы её насильничали два одноклассника. Когда речь доходила до слов, которых Черникина не понимала, она их внимательно запоминала и всегда ждала подходящего случая, чтобы узнать у мамы. Так и сегодня случилось. Мама рассердилась, назвала бабок старыми сплетницами и, уже не дожидаясь вопроса, сразу ответила Черникиной, что сплетница – это женщина, которая рассказывает гадкую неправду про других.

...Субботы Черникина ждала как Нового года. Ей сделали два пушистых хвоста, расплеля обычные косички, и завязали красными бантами с золотой каёмкой по краям. Белое немецкое платье с плиссированной юбкой и вправду превратило день свадьбы Таньки в Новый год.

Дом был переделан полностью – он весь состоял из соседских столов и соседских же стульев. Черникина долго смотрела, как можно из деревянной доски и двух стульев сделать скамейку и, застелив тряпкой, превратить всё это в диван

без спинки. Пахло разнообразно, но нос Черникиной больше всего волновался, когда она различала запах сдобных булочек. Ещё она уже три раза пробиралась в холодильник и любовалась на огромный белый торт с розами из крема. Ей очень хотелось хотя бы одну из них, но было нельзя. За это влетело бы очень сильно.

В весёлой и нервной кутерьме её отыскала Таня. Ах, Таня! Какая же она была сегодня красивая! Плавными кудрями лежали волосы ослепительно белого цвета, спускаясь на плечи белого-пребелого платья из кримплена. Оно поблёскивало и было очень красиво коротким. Глаза у Тани были подведены чёрными огромными запятыми, ресницы были настолько длинными, что слипались, поэтому Таня старалась моргать очень аккуратно, через раз. Это делало её полностью похожей на куклу.

– Черникина, – сказала Таня, – помоги. Только ты можешь мне помочь.

Черникина пообещала сделать всё что угодно.

– Черникина, слушай внимательно, а то ты мне всю свадьбу испортишь. Спрячешься в спальне. Когда начнут пить, заберёшься под стол. И сиди там столько, сколько потребуется. А когда услышишь слово «туфля», хватай у меня с ноги босоножку и ползи к выходу, но под столом, а то затопчут.

Черникина спросила:

– А какую босоножку взять – правую или левую?

Таня уже собралась было сказать, что никакой разницы,

но вдруг внимательно посмотрела на Черникину и сказала:
– Правую, ты поняла меня? Только правую!

...Начало свадьбы Черникина, конечно, пропустила. Она сидела в полупустой спальне на полу и корчила себе рожи в зеркало. Очень хотелось накраситься. Но помада и пудра были на шкафу, а залезть она туда не могла. Ни одного стула или стола в комнате не было.

Черникина подпрыгнула пружиной, услышав неразборчивое: «Так давайте же... сегодня... счастье... выпьем». Она выскользнула из комнаты. Оказавшись за спинами сидящих, Черникина ещё и пригнулась, чтобы те, кто сидел напротив, её не заметили.

Ещё полсекунды, и она оказалась между огромным количеством ног – в брюках и голых до бёдер. Ноги беспрестанно двигались, два раза её даже больно пихнули чьи-то сандалии. Черникина решила выяснить потом, кто же это был.

Аккуратно подползая к тому месту, где сидели Таня и жених, Черникина сначала старалась задерживать дыхание, а потом стала дышать полным ртом: стало душно, пахло невкусно. А слово «туфля» всё никак не произносилось. Гости что-то говорили, наступала пауза, потом опять говорили, потом опять пауза, но заветного слова не было! У Черникиной стала кружиться голова от темноты и духоты. Она сидела в двух сантиметрах от Таниных ног и думала о том, что чувствуют собаки, когда оказываются под столом. Ей уже очень хотелось есть.

И наконец – слово прозвучало! Черникина содрала с Таниной ноги правую босоножку на платформе и только тут поняла, что тащить её придётся в зубах, поскольку та была слишком велика для одной руки, а для того, чтобы быстро выбраться из этого вдруг начавшегося топочущего и кричащего хора, ей придётся ползти.

Взмокшая, измазанная пылью Черникина, державшая босоножку за ремешок в зубах, выскочила чертёнком из-под стола и, глотнув свежего воздуха, рванула на летнюю кухню. Туда же через полминуты, запыхавшись и ковыляя, прибежала Таня, чмокнула её в лоб и, забрав босоножку, смешно повиливая бёдрами, пошла к гостям со словами:

– А вот и всё при невесте!

Черникина тихо сидела, слушая раскаты смеха, громкий говор жениховских дружков, и тяжело дышала. На кухне было жарко. Там её и нашла мама, всплеснула руками и начала оттирать, застирывать, расчёсывать и перевязывать банты. Пока они возились с платьем и волосами, свадьба перешла на улицу. Ворота были сняты.

Друзья Черникиной – бабки-сплетницы – заняли лучшие места; прихрамывая, пришёл Коля-баянист, и начались танцы. На втором месте после мультиков среди удовольствий у Черникиной были танцы.

– Цыганочку, а, девочка! – Черникиной протянули чей-то платок. Она сначала как бы закуталась в него, потом раскрылась, подлетела на одном месте, потом уже оказалась на дру-

гом, закружилась, а затем упала на колени, как положено, перегнувшись спиной вниз, тряхнула распустившимися волосами и замерла.

Люди хлопали, отбивая ладони, в пыль полетела мелочь. Черникина аккуратно собирала деньги и продолжала танцевать и барыню, и польку, и четыре цыганочки подряд, и танго с вальсом. С деньгами в руках танцевать было очень неудобно, но у неё не было никаких карманов.

Когда Коля-баянист сказал: «Перерыв!» и ему немедленно принесли стакан с водой, Черникина попросила у Зинки Каракозовой носовой платок, спряталась за сарай и пересчитала выручку. Было 3 рубля и 57 копеек! Что делать с этими огромными деньгами, она не знала, а Коля-баянист уже допивал свой стакан воды.

Тогда она ссыпала мелочь в платок, завязала на четыре узла и быстро побежала в огород. Там Черникина нашла пятый помидорный куст, если считать от дерева бульденеж, и, вырыв, как собачка, ямку, закопала туда увесистый узелок с деньгами. Сверху она присыпала ямку землёй, ещё раз пересчитала кусты и вприпрыжку бросилась обратно.

К вечеру Черникина так устала, что уже не помнила, как мама укладывала её спать и почему-то называла какой-то доморощенной «Майей Плисецкой».

...Утреннее пробуждение было самым радостным из всех, что помнила до тех пор Черникина. Она метнулась к бульденежу, отсчитала пятый куст помидоров, раскопала ямку...

и ничего не нашла. Тогда она решила считать с другой стороны. Ничего. Тогда она принесла лопату, ничего не объяснив удивлённой бабуле Ульяне.

Черникина выкопала двадцать кустов помидоров, ощупала руками каждый кусочек земли. Закрыв глаза, она могла себе представить, как выглядел её узелок, но ничего не было. Он бесследно пропал.

От утреннего солнца тоже не осталась и следа. Плечи Черникиной жгло и щипало ещё похлеще, чем глаза, которые время от времени тоже отказывались верить в то, что узелок ей не приснился.

Взрослых спрашивать было бесполезно: никто даже сообщить не мог, о чём идет речь.

Искавшая к обеду внучку бабуля Ульяна обнаружила Черникину лежащей на грядке рядом с лопатой среди двадцати вывороченных помидорных кустов и глядящей немигающим взглядом на солнце. Она взяла поникшую Черникину за руку и повела в дом. Та же беспрестанно повторяла: «Вот тебе и свадьба, вот тебе и свадьба...»

Осень

Что такое осень, Черникина не понимала до двенадцати с половиной лет. Ну, школа, домашка, тяжёлые осенние туфли на смену летним босоножкам – вот, пожалуй, и всё, что она бы сказала, будучи спрошенной про осень.

А тут, в Быково, маленьком городке под Москвой, осень обрушилась на неё, как беззвучный карнавал невиданных раньше красок уходящего лета.

В городке было непривычно тихо – транспорта там почти не было, а личные автомобили в то время были такой же редкостью, как пингвины.

Утром мама уходила на курсы повышения квалификации, а Черникина отправлялась в новую школу. До школы было полчаса пешком. Школа была с углублённым изучением немецкого языка, и Черникина очень боялась, что получит двойку.

Удивительное дело, каждое утро у неё начиналось с этого страха, но пока она доходила до школы, любовно постукивая по тротуару новыми туфлями, купленными мамой аж за шестьдесят два рубля, её тревога куда-то улетучивалась.

Дорога была лёгкой: нужно было свернуть направо и ещё один раз направо. Первую неделю Черникина страшилась заблудиться, но потом догадалась, что нужно просто считать повороты. Их должно было быть два правых по пути в школу

и два левых по возвращении домой.

Новые одноклассники её приняли. Один мальчик на третий день принёс почитать ей книжку про индейцев. Вместо положенных двадцати новых слов Черникина учила по шестьдесят, изъяснив невиданное раньше трудолюбие и добрую волю. Учительница её хвалила и старалась спрашивать на каждом уроке.

Но всё равно школа была ненадёжной: там всё менялось, шумело, звенело, переливалось солнечными окнами, тасовалось колодой новых, непривычных лиц и голосов.

На улице всё было иначе. Черникина выходила в совершенно пустой мир, таращилась недолго в ярко-синее, режущее ясностью небо, вдыхала прохладный утренний воздух и плюхалась взглядом в разноцветную листву. Клёны, сколько там было клёнов! Они налезали один на другой, как будто хвастаясь визжащими бордовыми, малиновыми, жёлтыми, ярко-зелёными, прозрачными серыми, оранжевыми ладошками.

«Так не бывает!» – думала Черникина. Она шла и придумывала себе фантастические платья из прозрачных тканей, которые будут один в один повторять эти радостные кленовые аллеи.

А ещё там были осины. Они напоминали Черникиной многослойные цыганские юбки: точно так же ни на секунду не оставались в покое и звали, звали взгляд за собой и негромко шептали на неизвестном наречии.

В палисадниках маленькими весёлыми светофорами торчали астры. Иногда Черникина протягивала руку в щели заборов и гладила их: на ощупь они были тёплыми, как разноцветные ёжики.

Черникиной было грустно и весело одновременно. А ещё она не думала, как обычно, что завтра всё кончится. Осень словно знала про это и была сухой и солнечной.

Так и случилось. За те полтора месяца ничего не изменилось, кроме палитры неуёмной в своей красоте листвы. С тех пор Черникина полюбила это слово – «осень» – и бесцельные гуляния по тихим улицам.

Огурцы

Один раз под Новый год Черникину отправили за солёными огурцами для новогоднего салата. Салат назывался как-то по-другому, но Черникина слова этого не знала, поэтому быстро переназвала его.

Огурцы размером с крупного котёнка всегда плавали в большой бочке, которая пахла на весь овощной магазин. Из своего небольшого жизненного опыта Черникина знала, что женщины всегда старались купить не крупные огурцы, а помельче, поэтому они заискивающе смотрели на продавщицу и чуть ли не молитвенно складывали руки на груди: «Поищите, а?» Продавщица, поддёрнув рукав водолазки, пропадала сначала пятернёй, а потом и всей рукой до локтя в бочке, медленно водила предплечьем. Потом выпрямлялась и говорила: «Нету, гражданочка, все мелкие уже раскупили». Грустные женщины протягивали смятые целлофановые пакеты, туда плюхались огромные огурцы, потом продавщица получала деньги мокрыми, пахнущими укропом, чесноком и рассолом руками.

Черникина всё отрепетировала по дороге: «Я сначала попрошу как обычно. А потом, когда она мне скажет, что мелкие кончились, всхлипну и скажу, что меня мама ругать будет». Что-то внутри неё отлично знало, что мелкие солёные огурцы в этой бочке обязательно есть.

Открыв дверь в магазин, Черникина вытерла внезапно отпотевший в тепле нос и встала в очередь. Рассматривая чумазую морковь и картошку размером с куриное яйцо, она рассеянно слушала разговоры взрослых и не заметила, как подошла её очередь. Протянув рубль и пакет, Черникина сказала продавщице:

– Солёных огурцов на рубль. И, пожалуйста, помельче.

– А нет огурцов, – ответила женщина в белом, в пятнах, халате, из-под которого виднелась грубой вязки кофта.

– Как нет? – Черникина была не готова к такому повороту событий. – А крупные есть?

Женщина махнула ей рукой:

– Иди сюда, видишь, пустая бочка!

Черникина убедилась, что бочка, в которой всегда плавали огурцы, была совершенно пустой и даже сухой.

– А меня мама ругать будет! – выпалила Черникина, пытаясь спасти мир, который рушился на её глазах. Вернуться домой без солёных огурцов для новогоднего салата было невысказано.

Продавщица посмотрела на неё без злобы и раздражения и сказала:

– А ты помидоров солёных купи. Вон в банках стоят. Видишь, зелёные такие?

Черникина, как во сне, отправилась к полкам, сняла одну банку с солёными помидорами, на которой было написано: «Томаты консервированные». «Это ещё и не помидоры,

а томаты какие-то!» – в панике подумала она, но продавщица ждала, очередь угрюмо молчала, и Черникиной пришлось подчиниться неумолимой силе обстоятельств.

Осторожно обходя скользкие места, она приволокла банку с помидорами домой. Прежде чем нажать на дверной звонок, Черникина быстро выдохнула панику и приготовилась объяснять, как получилось, что вместо солёных огурцов она принесла консервированные зелёные томаты в трёхлитровой банке.

Мама открыла дверь, быстро оценила ситуацию и сказала: «Что, не было огурцов? Заходи же. Ого! Как ты донесла-то? Нет огурцов – сделаем с помидорами!» И в этот момент Черникиной стало весело и хорошо, что скоро-скоро Новый год, и что салат будет приготовлен, и что мама будет дома целых три дня, и что придут гости, будет необычнолюдно и шумно, бестолково и радостно.

– Мама, – сказала деловито Черникина, вытряхиваясь из пальто. – Представляешь, огурцов совсем не было, пустая бочка.

– Так Новый год же, – откликнулась мама. – Всем нужны солёные огурцы!

В магазине

По дороге мама всё время поторапливала Черникину. Черникина перестала скользить на ногах при каждом удобном случае и сосредоточенно зашагала рядом.

В магазине мама, оглядев очереди в отделы и к кассе, сказала: «Давай так: я пока туда, а ты постоишь в очереди в кассу, иначе мы до закрытия не успеем». До семи часов вечера оставалось сорок пять минут. Черникина пересчитала людей в очереди к кассе и вздохнула: «Двенадцать человек». По всему выходило, что стоять придётся долго.

Она расстегнула пальто и сняла с головы кроличью шапку с помпонами. Некоторое время Черникина занималась тем, что приставляла помпоны к шапке вместо ушей воображаемого кролика. Раз в пять минут она два раза шаркала ногами и занимала место впереди стоящего человека.

Очередь двигалась очень медленно. Сначала Черникина внимательно слушала голос из-за кассы: «Два двадцать восемь во второй, три шестьдесят две в четвертый, рубль сорок в первый. Всё? С вас семь рублей тридцать копеек». Люди, которые сначала протягивали кассиру клочки серой бумаги, где карандашом были написаны цифры, услышав итог, суетливо доставали кошельки и вручали деньги. Если кто-то замешкался, оттуда раздавался крик: «Граждане, готовим деньги заранее! Магазин через тридцать минут закрывает-

ся!» Тогда все начинали озираться друг на друга и заметно нервничали.

Черникина тоже нервничала: «Осталось только тридцать минут! Где же мама?» Она тянула шею, выглядывая среди людей, толпящихся в магазине, мамино серое пальто с белым воротником из норки. Его нигде не было видно! Устав от мелькающих людей, Черникина уставилась в пол, покрытый мокрым грязным снегом, который на глазах превращался в чёрно-коричневые лужицы, с чавканьем брызгающие, когда на них наступали люди.

Вдруг очередь качнулась вправо и распалась на две. Рядом заработала вторая касса. Черникина растерянно смотрела на трёх людей, которые остались перед ней. Вот высокая женщина в шубе рассчиталась с кассиршей и, застёгивая на ходу кошелёк, отошла от кассы. Следующей была бабушка, которая по порядку называла цифры на бумажных клочках и только потом передавала их за стекло.

Черникина запаниковала. Ещё минута-две, и подойдёт её очередь! Где мама? Она нерешительно вышла из очереди и сделала несколько шагов по направлению к хлебному отделу. «Мама!» – негромко крикнула она, ужасаясь того, что сейчас все обернутся. Но никто не обернулся, и мама не появилась. Тогда Черникина сделала ещё несколько шагов по снежной жиже и крикнула громче: «Мама!» Никакого результата. От страха, что сейчас она пропустит свою очередь, Черникина сжалась внутри в холодный, острый комок.

«Ну где же ты, мамочка?» – прошептала она, лихорадочно перебирая глазами спины и лица людей в магазине.

До её очереди оставался один человек. Черникина почувствовала хорошо знакомый солёный вкус подступающих слёз, когда представила, как кассир выгоняет её из очереди, магазин закрывается, а она потерялась, потому что мамы нигде не было видно. Черникина засопела, сдерживая плач, потом зажмурила глаза и завизжала на весь магазин: «Мама! Где ты?!» И в этот же момент она увидела знакомое пальто, которое стремительно приближалось к ней. «Мама, наша очередь!» – на той же ноте завопила Черникина.

...Когда они возвращались домой, шагая по тёмной зимней улице, уставшая, как после кросса, Черникина думала, что это неправильно – оставлять детей в очереди. А ещё она очень сильно хотела в туалет. Поэтому сказала: «Мама, пойдем быстрее». И они почти побежали. Но бежать по-настоящему им мешали сумки с продуктами, которые равномерно били по ногам, когда ускорился шаг.

Платье

– Выбери! – сказала бабушка, открыв шифоньер. На плечиках, тесно прижавшись друг к другу, висели платья. Черникина внимательно оценивала каждое и застряла в комнате на час.

Наконец она, таинственно улыбаясь, принесла бабушке чудесное, блестящее, как снежинки на солнце, переливающееся всеми цветами радуги платье.

– Вот, – сказала Черникина и ласково провела ладонью по блистающей жёсткой парче. Бабушка изменилась в лице.

– Почему именно это? – беспомощно спросила она. Беспомощной бабушку Черникина сроду не видала, поэтому решила, что это от усталости.

...У бабушки был юбилей. Черникина не знала, что это означает, но само слово ей нравилось. Там были воробей и юла одновременно, и это её ужасно смешило.

Черникина утром подарила бабушке рисунок, который рисовала три дня втайне от неё. Бабушка растрогалась и разрешила Черникиной выбрать платье, в котором бабушка будет на юбилее.

– Уговор дороже денег, – пробормотала бабушка, недоверчиво принимая из рук Черникиной платье.

– Средняя Азия какая-то, – произнесла она тоже непонятные Черникиной слова и, держа платье на вытянутых руках,

продолжала: – Точно, это же Витя из Ашхабада привёз. Ему строители сувениры для жены и детей вручили.

Она внимательно посмотрела на Черникину, которая замерла в ожидании примерки.

– Ты уверена? Именно это?

– Да, бабушка, да! Это самое красивое платье на свете!

Через три часа, когда даже Черникина устала снова между кухней и комнатой, доставляя на стол хрустальные вазы с салатами, вкусно пахнущие блюда со всякой всячиной, вазочки с икрой и соломенные корзинки с нарезанным хлебом, бабушка, тяжело вздохнув, сказала:

– Пойду переоденусь.

– Бабуля, какая ты красивая! – визжала Черникина пять минут спустя, бегая вокруг бабушки и от восторга прижимаясь скорее к платью, чем к ней. Вошедший на шум дедушка изумлённо поднял бровь, посмотрел на радостную Черникину, потом на бабушку, произнёс загадочное «ну что же» и вышел.

Сияющая Черникина вместе с бабушкой встречала гостей и очень гордилась тем, что, когда говорили: «Чудесно выглядите, Валентина Ивановна!», она, указывая взглядом на Черникину, отвечала: «Её рук дело».

А потом все теснились за двумя сдвинутыми столами, оживлённо наполняли себе тарелки. Когда гости начали говорить бабушке, какая она хорошая и как они рады, что она есть в их жизни, бабушка встала из-за стола и долго-долго

не садилась, слушая их, улыбаясь и благодаря.

И всё это время Черникина с блестящими от восхищения глазами, не отрываясь, смотрела на бабушкино платье, которое своим блеском затмевало всё на свете, и думала про себя: «Когда у меня будет юбилей, я надену точно такое же!»

Комиксы

Черникина жила в первом подъезде, а Серёжка Мещеряков – в шестом. В школу им никогда вместе ходить не доводилось: мама у Мещерякова работала в первую смену на заводе, поэтому уже в половине восьмого утра он околачивался в пустой рекреации, Черникина же вечно в школу опаздывала. Серёжка был твёрдым троечником, а Черникина отличницей. Мещеряков сразу после пятого урока срывался из класса, а Черникина крутилась в школе почти до вечера – у неё были поручения.

Мещеряков Черникиной не нравился. Не потому, что он был плохим. Когда она на него смотрела, что-то нехорошо жалило её внутри и становилось как будто бы стыдно. Мещеряков был худой-прехудой, с прозрачными сиреневыми кругами под глазами.

Невысокий, неразговорчивый, нерадостный, неэнергичный. Сидел он за последней партой один, за спиной Черникиной. Никто про него ничего не знал. Ничего не знала и Черникина, кроме того, чем был набит его портфель.

На контрольных он упирался ей в спину карандашом, Черникина слегка отъезжала в сторону, пока Мещеряков перекаtywал ответы из её тетрадки. Потом она опять чувствовала карандаш между лопаток и возвращалась в исходную позицию. На контрольных Мещеряков и выезжал с горем по-

полам, иначе за его упорное молчание у доски давно скатился бы в двоечники.

Но у Мещерякова был талант – талант смешить Черникину. Она тогда не знала слова «комиксы», иначе бы везде ратрубила про них. А так – смешные картинки.

Все уроки напролёт, пригнувшись за спиной Черникиной, закрывшись локтем от взгляда учителя, он рисовал войны инопланетян, продолжения «Ну, погоди!», «Трёх мушкетеров» и даже комиксы про войну. Фашисты на них бегали без трусов, взрывались от коробка спичек, пугались мышей.

Рисовал он свои картинки в толстых общих тетрадах, которые неизменно таскал с собою в старом портфеле, доставшемся ему от старшего брата. Руки у Мещерякова вечно были в синей и красной пасте, воротник рубашки тоже.

В середине урока Черникина чувствовала ручку между лопаток, немедленно преданно начинала тарашиться на учителя, а Мещеряков подсовывал ей под локоть тетрадь. Черникина осторожно втаскивала тетрадь на парту, прикрывала её учебником и начинала тихонько листать страницы, испещрённые картинками. Голова её опускалась всё ниже и ниже, потому что она начинала сначала смеяться тихо, потом так же тихо заходиться от смеха, а потом беззвучно хохотала открытым ртом, прикрыв лицо руками.

Самое большое наслаждение смеяться над самыми смешными картинками в её жизни Черникиной доставляло то, что это надо было делать так, чтобы никто не заметил. Не од-

нажды случалось, что у неё от смеха слёзы шли носом. Тогда приходилось молча отпрашиваться вскинутой рукой и нестись по коридору в туалет, чтобы там, извиваясь, отсмеяться в голос, вытереть заплаканные глаза и вернуться в класс.

Тетрадь тем же молчаливым маршрутом возвращалась к Мещерякову. Он принимался немедленно рисовать что-то ещё. Черникина спокойно дожидалась толчка карандашом в спину. За два года их ни разу не поймали. Наверное, потому что всё происходило в полнейшей тишине с их стороны, под нудный бубнёж учителей.

За день Мещеряков изрисовывал половину тетради. Однажды к классной руководительнице пришла его мама, чтобы узнать, почему детям Никарагуа она собирает уже пятую посылку из общих тетрадей. Мещерякова призвали к ответу. Он обычно отмолчался. Нерадостный, неэнергичный, неприсутствующий.

Подрался он, на памяти Черникиной, только один раз. Когда Новинкин, самый придурочный из их класса, пнул ногой портфель Мещерякова. Оттуда повалились тетради. Тогда Новинкин схватил их и начал разбрасывать по классу, Мещеряков сразу превратился в поджарую кошку и прыгнул на грудь Новинкина. Они сломали парту.

Из школы Черникина с Мещеряковым возвращались вместе лишь однажды. Был самый конец мая. Лихорадило весной. Зелёные клейкие почки намертво цеплялись к по-

дошвам обуви. Мещеряков молча взял пластиковый дипломат Черникиной. Они дошли до дома и расстались у шестого подъезда Мещерякова. Осенью он шёл в ПТУ с его тройками, а Черникина переходила в девятый класс.

Дома она обнаружила в своём дипломате две толстые тетради, которых она никогда раньше не видела. Черникина внимательно их рассмотрела, но отчего-то дома ей не смеялось так остро и радостно, как в школе.

А однажды она случайно услышала, что Мещеряков за драку попал в колонию, и что-то нехорошо зажалило у неё внутри. Черникина в ту же секунду поняла, из-за чего подрался Мещеряков, и вопросов никаких больше задавать не стала.

Цыганка

Левой ногой Черникина пыталась попасть в расстёгнутый сапог на шпильке, одной рукой держала телефонную трубку, другой проталкивалась в плащ, правая же её нога была ответственна за всё шаткое сооружение: «Ну, давай в семь. Да удобно мне, удобно. Ой, не поздравляй раньше времени, плохая примета. Ну, спасибо. Пока!»

У входа в метро унылая человеческая очередь, шаркая и крутя головами по сторонам, медленно вдавливалась внутрь. Черникина также начала перебирать ногами, щёлкая в голове предстоящими сегодня маршрутами: «В обед метнусь на рынок. Ой, не забыть черемшу! Мясо оставлю в холодильнике в бухгалтерии. Он всё равно вечно пустой у них. После работы зайду в „Бабилон“, там всё сразу и куплю. Ну а обратно придётся на такси».

До стеклянных дверей оставалось два человека. Она уже достала из сумки жетон, когда к ней, откуда-то сбоку, подошла тихая, опрятная цыганка с круглым большим животом.

– Извините, может, вы знаете? Мне сказали, что здесь, совсем недалеко от метро, есть женская консультация. – Лицо цыганки было приветливым, чистым и чуть измученным.

Черникина знала.

– Это вон там. Если вы сейчас пойдёте прямо, а около красного здания «Стройматериалы» свернёте налево, то уви-

дите трехэтажное здание, на нем написано.

Цыганка поблагодарила и осторожно, заметно переваливаясь, пошла прямо.

Черникина посмотрела ей вслед и, спохватившись, что перед ней в очереди откуда-то появилось много людей, вернулась к своим планам празднования дня рождения.

– Извините, – услышала она через секунду.

Цыганка, застенчиво улыбаясь, протягивала Черникиной деньги.

Черникина оторопело посмотрела на банкноту и сказала:

– Вы что? Зачем?

Цыганка, всё так же застенчиво улыбаясь, ровным грудным голосом проговорила:

– Вы меня извините. Но вы должны принять. Я чувствую, мне рожать сегодня. А вы мне дорогу указали. У цыган закон такой: ты обязан отблагодарить того, кто тебе указал важную дорогу. Возьмите, прошу!

Черникина вышла из очереди и начала объяснять ей, что ничего такого она не сделала, что взять деньги у беременной женщины – это невысказано.

Глаза цыганки стали молящими, она заметно побледнела и только повторяла:

– Возьмите, прошу, возьмите! Мне удачи не будет. Ребёнка загубите.

Купюра в её руках трепетала на весеннем ветру, как листочек на дереве.

– Я не могу взять у вас деньги! – растерянная Черникина почти кричала.

Цыганка задумалась, вздохнула всем животом и застенчиво сказала:

– Тогда давайте я вам погадаю. Я вас так отблагодарю.

– Давайте! – Черникина обрадовалась тому, что эта дурацкая история подходит к концу.

Цыганка посмотрела куда-то поверх головы Черникиной, на секунду стала как будто меньше и незаметней и тихо, выговаривая каждое слово, начала:

– Ты уверена, что Слава – твоя судьба. И знаешь ты, что любит он тебя и беречь станет. Но не дает тебе покоя мысль, что ты обманываешь его, когда говоришь, что любишь. Совесть тебя тревожит, маешься ты от страха решение последнее принять. А через полгода поздно будет.

Черникина внимательно смотрела в глаза цыганке и слушала её, не переводя дыхания. Та же спокойно закончила, испытующе глядя на Черникину:

– Ты хочешь знать, что тебе делать?

Черникина кивнула головой. «Боже, откуда она знает про Славу?»

Про Славу не знал никто, кроме Черникиной и самого Славы, даже его жена.

– Хорошо, я тебе тогда на судьбу погадаю.

Цыганка достала злосчастную купюру, медленно сложила её пополам, потом ещё пополам, потом начала скручивать

и вдруг спохватилась:

– Не могу! Деньги твои должны быть. Возьми эти, дай свои.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.